

ВЗГЛЯДЫ НА ПРОБЛЕМУ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НЕОНАРОДНИКОВ И ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ ЛЕГАЛЬНОГО НАРОДНИЧЕСТВА

Г. Н. Мокшин

Революция 1905 года, несмотря на поражение, радикально изменила общую картину политической жизни страны. Вместе с появлением парламента и легальных политических партий всевластие русского царя было ограничено, по крайней мере, юридически. Партийная и общественная интеллигенция с лихвой воспользовалась полученными ей свободами слова, печати и собраний, занявшись организацией масс для борьбы за окончательную победу русского освободительного движения. Последние двенадцать лет императорская Россия напоминала бурлящий котел, готовый в любую минуту взорваться и разлететься на мелкие кусочки.

Одной из самых больших и влиятельных политических партий стала партия социалистов-революционеров. В 1907 г. она насчитывала в своих рядах 65 тыс. чел., а в 1917 г. по разным подсчетам — от 600 тыс. до 1 млн чел¹. Завоевав больше всех мест в Учредительном собрании (412 из 715), эсеры на деле доказали, что социалистические идеи интеллигенции, при умелом ведении дела, могут быть пересажены в головы не только рабочего пролетария, но и простого русского мужика². Мечту народников 1870—1890-х гг. о том, чтобы стать умственными вождями народных масс, осуществили их исторические преемники — неонародники³.

Сами социалисты-революционеры (главным их теоретиком стал В. М. Чернов) считали себя идейными наследниками революционных народников. По словам Г. В. Плеханова, эсеры захотели “опять слить воедино то, что разъединил 1879 год, т.е. “террор” и агитацию в народе”⁴. Традиции легальных народников, точнее его левого крыла во главе с Н. К. Михайловским, продолжали народные со-

циалисты или энесы во главе с А. В. Пешехоновым и публицистами “Русского богатства”.

Обе неонароднические партии окончательно оформились в 1906 г. Общим в их программах было требование свержения самодержавия и провозглашение (через Учредительное собрание) демократической республики. В народно-хозяйственной области на первом месте по-прежнему находился земельный вопрос. Считали ли неонародники крестьянина социалистом по инстинкту, как их предшественники, однозначно сказать нельзя. В любом случае они выступали за сохранение крестьянской общины как ячейки будущего социалистического общества. Главное различие между эсерами и энесами касалось методов перехода от капитализма к социализму. Первые выступали за революционный путь, вторые за постепенные реформы⁵.

Неонародники не случайно еще в 1905 г., устами Р. В. Иванова-Разумника, назвали первую русскую революцию “народнической”, подчеркивая тем самым свою веру в возможность осуществления старых идеалов народничества⁶. Различия в теоретических обоснованиях их программ с идеологией классического народничества если и были, то не принципиальные. Правда, некоторые исследователи считают, что на самом деле в неонародничестве от теорий старых народников мало что осталось⁷.

⁵ Гинев В.Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. 1902—1914 гг. Л., 1983. С. 12, 16; Ерофеев Н.Д. Социалисты-революционеры. С. 155, 163, 168; Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. М., 1997. С. 96, 98—100.

⁶ Иванов-Разумник Р.В. Жизнь и теории. (Что думает “народ”?) // Иванов-Разумник Р.В. Литература и общественность: Сб. ст. СПб., 1912. С. 41.

⁷ Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979. С. 43; Дворкин В.З. Концепция интеллигенции в социальной философии народничества // Философия

© Мокшин Г. Н., 2006

¹ Ерофеев Н.Д. Социалисты-революционеры // История политических партий России. М.: 1994. С. 184.

² Конечно, российское крестьянство понимало народнический социализм однобоко, как идею передела собственности (земли и имущества помещиков) в свою пользу. Идея коллективного труда и “справедливого” распределения его результатов, как показала практика социалистических преобразований в советской деревне, уже не пользовалась такой широкой поддержкой.

³ Сами социалисты-революционеры начала XX в. назвали себя народниками. Термин “неонародничество”, видимо, пущенный в оборот Р. В. Ивановым-Разумником, утвердился уже в советской историографии. См.: Балуев Б.П. Либеральное народничество на рубеже XIX—XX веков. М., 1995. С. 9.

⁴ Плеханов Г.В. Революционное движение семидесятых годов (конспект) // Плеханов Г.В. Соч.: В 24 т. М.; Пгр., 1923—1927. Т. 24. С. 147.

Но не совсем понятно, о чем здесь идет речь. Если о признании неонародниками факта окончательно утверждения капитализма в России, то многие революционные и легальные народники не сомневались в этом еще в конце XIX века.

Нас больше интересуют взгляды неонародников на русскую интеллигенцию и проблему ее взаимоотношений с народом. Возможно, в идейно-теоретических построениях на этот счет народников 1870—1890-х гг. содержались какие-то серьезные ошибки и изъяны, преодолев которые эсеры и энесы сумели сделать новый шаг вперед.

В ответе на вопрос “Что такое интеллигенция?” неонародники проявляли редкое для народников XIX в. единодушие. Вот несколько наиболее характерных определений.

С. Я. Елпатьевский: “Интеллигенция — это общественно думающая и общественно чувствующая часть общества, та, вооруженная знанием, руководимая общественными импульсами часть общества, которая в своих мыслях и чувствах, в своем миропонимании и в своем общественном поведении отправляется не от узких, личных, групповых, профессиональных или классовых интересов, а от интересов страны вообще, народа вообще, разумея под понятием народа всю сумму трудящихся на всех разнообразных путях человеческого труда людей...”⁸.

Р. В. Иванов-Разумник: “Интеллигенция есть этически-антимещанская, социологически-внесловная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и индивидуальному освобождению личности”. “К группе интеллигенции может принадлежать полуграмотный крестьянин, и никакой университетский диплом не даст еще право его обладателю причислить себя к интеллигенции”⁹.

А. Б. Петрищев: Интеллигенция — “явление по существу внеклассовое”. “Я называю интеллигентом человека, живущего интеллектуальной жизнью во имя истины и справедливости”, “такова одна из старых, “народнических” дефиниций этого понятия”¹⁰.

и освободительное движение в России: Межвуз. сб. Л., 1989. С. 133; Жаворонкова А.А. Неонародническая интеллигенция 90-х годов XIX в. (К истории идейного становления): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 38, 46, 50, 53.

⁸ Елпатьевский С. По поводу разговоров о русской интеллигенции // Русское богатство. 1905. № 3. С. 60.

⁹ Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. СПб., 1907. Т. 1. С. 10, 74.

¹⁰ Петрищев А. Противотеченцы // Русское богатство. 1907. № 8. С. 129, 130, 140.

Получается, что неонародники придерживались старого социально-этического понятия интеллигенции? Не будем спешить с выводами. Определение интеллигенции как идеологической силы (“критически мыслящие личности”) они употребляли только применительно к ее радикальной социалистической ветви. В отношении другой (сословной) интеллигенции, игнорировать существование которой было уже невозможно, неонародники выработали свой собственный подход. Он заключался в постановке вопроса о появлении в России нового, самостоятельного класса буржуазного общества — интеллигенции как работников умственного труда.

По словам исследовательницы А. А. Жаворонковой, эсеры, а именно В. М. Чернов, обнаружили наличие у интеллигенции собственных экономических и политических интересов (чего не заметил в свое время Карл Маркс, а вслед за ним не сумели увидеть российские социал-демократы)¹¹. В то же время стремление неонародников объединить разные методологические подходы к пониманию противоречивой природы интеллигенции — это их несомненная заслуга.

Новый этап освободительного движения, на котором прогрессивная интеллигенция перестала быть единственной оппозиционной правительству силой, потребовал от неонародников заново определить свое отношение к народу. В качестве главной своей задачи они поставили пробуждение народа и внесение в его среду “света сознательной мысли”, после чего народ (!) воплотит идеалы интеллигенции в действительность. При этом под “народом” понимались не только крестьяне и рабочие, но и трудовая интеллигенция¹².

Причины неудачных попыток опереться на массы у своих предшественников неонародники объясняли искусственной изолированностью интеллигенции от народа. По признанию Петрищева, до революции 1905 г. общие условия жизни надолго исключали для барина и мужика возможность “сойтись на совместном деле”. Теперь, пишет публицист “Русского богатства”, общее дело нашлось. И сошлись интеллигенция и народ — два “таинственных незнакомца”. “Это решающее событие в русской истории XX в.”. Революция создала некий общий язык, одинаково понятный и интеллигенту, и мужику. “Интеллигент-барин получил возможность стать идейным руководителем народного движения”¹³. Примерно также оценивали влияние

¹¹ Жаворонкова А.А. Указ. соч. С. 53.

¹² Пешехонов А. На очередные темы. Основные положения нашей программы // Современность. 1906. № 1. С. 123, 125.

¹³ Петрищев А. Указ. соч. С. 122.

революции на взаимоотношения интеллигенции с народом Пешехонов и Иванов-Разумник.

Отказавшись от идеи “всевластия” прогрессивной русской интеллигенции, неонародники надеялись, что со временем роль обновляющего фактора русской жизни возьмут на себя выходцы из самого народа — представители народной интеллигенции. Ее появление считалось важным доказательством жизненности народнических идей. Однако вера неонародников в творческие силы народа уже не была такой безграничной, как в 70-е гг. XIX в. И хотя Иванов-Разумник утверждал, что “иной раз безграмотные крестьяне силой творческого духа превышают многих кабинетных пророков”, практика это мнение чаще всего опровергала. Народ, писал по этому поводу Н. Ф. Богораз, также выдвигает интеллигенцию из своих рядов. Но, не имея необходимого образования, “эти личности не могут правильно поставить и привести в определенную форму партийные убеждения, а тем более соображать свои поступки с требованиями эпохи и случайностями борьбы”. Поэтому в разработке новых идеалов и выяснении партийной программы интеллигенция “из рабов и плотников” должна играть подчиненную роль¹⁴. Весьма красноречивое заявление.

Как уже отмечалось, многие неонародники считали своим главным идейным наставником Михайловского, поскольку благодаря личным контактам он оказал на них даже большее влияние, чем А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и П. Л. Лавров. На рубеже XIX—XX вв. под началом Михайловского начинали свой путь в “Русском богатстве” Н. Ф. Анненков, А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, С. Я. Елпатьевский, В. М. Чернов и другие публицисты. От Михайловского они заимствовали его социально-этическое учение об интеллигенции и ее неоплатном долге перед народом. Кстати, именно Михайловский в 1901 г. предскажет возрождение в начале XX в. идей 70-х гг., которые, с учетом пережитого опыта, смогут объединить русскую интеллигенцию¹⁵. После смерти своего кумира эсеры (Р. В. Иванов-Разумник, Е. Е. Колосов, Н. С. Русанов, В. М. Чернов и др.) посвятят ему десятки воспоминаний, статей и книг, заложив традицию почитания Михайловского в отечественной историографии народничества¹⁶.

Сам Михайловский оценивал свои труды гораздо скромнее, чем его почитатели, видимо, понимая,

что он скорее поставил вопросы, чем дал им удовлетворительное объяснение. Жизнь постоянно вносила в насквозь пропитанные духом субъективизма и идеализма народнические теории свои коррективы. И если бы неонародники слепо следовали за общими советами своего учителя, далеко бы они не ушли.

Действительно важное отличие неонародников от своих предшественников состояло в активном освоении новых форм организации движения. Уделив самое пристальное внимание партийному строительству на местах, эсеры уже в период первой российской революции имели в своих низовых структурах больше половины членов организации из рабочих и крестьян¹⁷. Это был колоссальный прорыв в отношениях идейной интеллигенции с народом. Сумев в условиях политического пробуждения масс вовлечь их в свое движение, эсеры создали благоприятную почву для революционной пропаганды не только в городе, но и в деревне.

Можно, конечно, предположить, что именно идейно-теоретическое наследие Михайловского стало для неонародников ключом к успеху, хотя бы и временному. Только тогда непонятно, какими же особенными знаниями русской жизни обладал Михайловский, чтобы народники начала XX в. наперебой доказывали его превосходство над остальными теоретиками реформаторского народничества 1880—1890-х гг.? Для того, чтобы лучше понять логику неонародников, рассмотрим их отношение к другим течениям легальной народнической мысли.

Нетрудно убедиться, что народники, попавшие по тем или иным причинам в немилость к Михайловскому, вызвали критическое к себе отношение и со стороны неонародников. Прежде всего, это были теоретики из правонароднической “Недели” (П. П. Червинский, И. И. Каблиц, Я. В. Абрамов, К. В. Лаврский), которые отказывались видеть в свержении самодержавия главную, а точнее, первоочередную задачу русской интеллигенции (поэтому начавшаяся революция поставила на “малых делах” жирный крест). В том же “черном” списке оказались В. П. Воронцов и С. Н. Кривенко, отколовшиеся от “Русского богатства” в середине 1890-х гг. из-за сочувствия позиции теоретиков “малых дел”.

¹⁷ М. И. Леонтьев приводит данные по социальному составу 21 губернской организации эсеров. Из 21752 членов партии рабочие составляли 43,2 %, крестьяне (вместе с солдатами) — 45,2 %, интеллигенция — 11,6 %. По мнению исследователя, эти данные репрезентативны для общего представления о составе партии эсеров в 1906 — начале 1907 гг. См.: *Леонтьев М.И.* Указ. соч. С. 59.

¹⁴ *Жаворонкова А.А.* Указ. соч. С. 38.

¹⁵ *Русское богатство.* 1901. № 1. С. 94, 112—113.

¹⁶ Подробнее см.: *Алексеева Г.Д.* Народничество в России в XX в. (Идейная эволюция). М., 1990. Гл. 4. “Народники XX в. и Н. К. Михайловский”.

На наш взгляд, приписывание (тем же Черновым) идеологам среднего течения в легальном народничестве аполитизма (презрение к “надстройкам” во имя “экономического базиса”), пренебрежительного отношения к интеллигенции и ее “учительной” роли, узкого практицизма и идеализации деревенских устоев “наивными народолюбцами” и т.п. также является следствием их репутации идейных противников Михайловского, который “систематически ограничивал себя от такого народничества”¹⁸. Например, Н. С. Русанов, описывая полемику Михайловского против Воронцова — “самого крупного представителя этого направления”, назвал его формулу народничества узкой и односторонней. Жизнь, пишет Русанов, обнаружила влияние политики на экономику, а у Воронцова все было наоборот. Правда, он тут же оговаривается, что теперь (в 1905 г.) “В.В.”, по-видимому, начинает отходить от “злополучных” идей “Наших направлений”¹⁹. О том, что в 80—90-е гг. XIX в. реальные условия русской жизни делали занятие “политикой” привилегией избранных натур, Русанов предусмотрительно умалчивает.

В июне 1906 г. ушел из жизни Кривенко. В отличие от своего некогда близкого друга Михайловского он не принадлежал к идейным вождям той эпохи. Кривенко не оставил после себя оригинальных обществоведческих трудов, способных перевернуть мирозерцание целого поколения молодежи. Вместе с тем, его творчество явилось наиболее последовательным выражением идеалов и стремлений народнической интеллигенции последней трети XIX в. По свидетельству современников, Кривенко обладал особым умением увязывать решение самых злободневных вопросов пореформенной русской жизни с поиском практических путей реализации высших народнических идеалов, что придавало их достижению характер общественно значимой программы. На разработку и пропаганду данной программы общественных преобразований, призванной вывести Россию на путь некапиталистического развития, писатель потратил всю свою жизнь, занимаясь этим даже тогда, когда народнические идеи утратили значительную часть прежнего обаяния.

Вопрос о значении общественной деятельности Кривенко как одного из творцов, самостоятельных выразителей и проповедников народническо-

го мирозерцания вызвал между идейными наследниками Михайловского и бывшими идеологами легального народничества целую полемику. С. Н. Южаков и некоторые его коллеги из неонароднической редакции “Русского богатства” считали публициста умеренным социалистом-народником, который своей проповедью “культурничества” и “малых дел” фактически призывал к примирению с действительностью, т.е. к отказу от идейного наследия 60—70-х гг.²⁰ Противоположной точки зрения придерживались его бывшие соратники (В. П. Воронцов, Е. Д. Максимов, П. В. Засодимский), утверждавшие, что всю свою скитальческую жизнь Кривенко исповедовал “самые высокие идеалы, которых достигла русская творческая мысль” (“о земле и воле, о трудовом начале как факторе распределения богатств, о земщине и общественных организациях вообще и о культурной работе в народе”), в конце концов, сделавшиеся “общим лозунгом самых передовых и радикальных течений освободительного движения”²¹.

Наиболее точно позицию Кривенко в 90-е гг. XIX в. отразил хорошо знавший его по народovolьческому подполью П. Ф. Якубович. По его мнению, вернувшись из ссылки в 1888 г., Кривенко “чересчур мрачными глазами” взглянул на свою прежнюю деятельность, решив, что “нужно заново поднимать новь, забирая землю осторожной и неторопливой сохой”. Но и тогда из-под пера публициста не вышло ни одной строчки, которой могли бы стыдиться его друзья и соратники времен “Отечественных записок”²².

Замечание Якубовича о том, что в “период безвременья” Кривенко задался целью *заново поднимать новь*, очень точно отражает главную идею “органической культурной работы” — необходимость подготовки почвы для возрождения народнической программы 1870-х гг. Однако новое поколение народников эти доводы волновали мало.

²⁰ Корсаков И. Заметки социалиста о текущем // Голос. 1906. № 14. 7 июня; Южаков С. Памяти С. Н. Кривенко // Русское богатство. 1906. № 7. С. 181—182; По поводу письма г. Воронцова (от редакции) // Русское богатство. 1906. № 9. С. 195—196.

²¹ Воронцов В. Поругание покойника // Речь. 1906. № 155. 3 сентября; № 156. 5 сентября; Слобожанин М. Памяти человека и писателя (письмо в редакцию) // Сегодня. 1906. № 21. 14 сентября; Засодимский П. В. Из воспоминаний. М., 1908. С. 233. Автор считал, что за «умеренность» и «отсталость» Кривенко его «тупые, ограниченные» критики принимали стремление писателя к беспристрастию, к справедливости, к всесторонней оценке людей и фактов.

²² Якубович П. Памяти С. Н. Кривенко // Русское богатство. 1906. № 9. С. 195.

¹⁸ Чернов В. Типы капиталистической и аграрной эволюции // Русское богатство. 1900. № 10. С. 251.

¹⁹ Кудрин Н. Е. [Русанов Н. С.] Н. К. Михайловский как публицист-гражданин // Русское богатство. 1905. № 1. С. 165—167, 173.

Радикальной молодежи по-прежнему нужны были духовные вожди, ничем себя не скомпрометировавшие, стойко пронесшие идею борьбы с самодержавно-бюрократическим строем через все перипетии 1880—1890-х гг. Михайловский подходил на эту роль лучше всех остальных, поэтому в ранг “истинного” народника возвели его. Правых и умеренно правых народников ожидало забвение.

Так или иначе, после революции 1905 г. легальное народничество — во всех его проявлениях — это уже история и немногие здравствующие его теоретики это прекрасно понимали. В последние годы жизни Кривенко, Оболенский, Златовратский, Засодимский, Южаков в большей мере были поглощены написанием мемуаров, отойдя от вопросов текущей политики. Из старых народников, пожалуй, только один Воронцов продолжал держать руку на пульсе важнейших исторических событий. Но в печати о нем если и будут вспоминать, то только как о знатоке корней русского народничества и особой народолюбивой природы русской интеллигенции²³.

Разработкой цельной концепции истории народнического движения Воронцов занимался с начала 90-х гг. XIX в. Свои окончательные очертания она получила в статьях 1906—1913 гг.

Под народничеством в узком смысле этого слова Воронцов понимал совокупность направлений, которые ставил трудящийся люд центральным пунктом своей социально-политической программы. Народники видели в народе главный фактор социально-политического преобразования России, единственную силу, способную “сломить упорство консервативных и ретроградных элементов, и ожидали от него “самостоятельного и оригинального творчества в области форм общественного быта”²⁴.

В истории практического народничества Воронцов особое значение придавал 1870-м гг. Именно в это время окончательно сформировалась главная идея народнического направления: “освобождение народа посредством народа” — и были предприняты значительные усилия к непосредственному воздействию на политическое миросо-

зерцание народных масс и организацию народных сил. Кризис идей 70-х гг., вызванный неудачей “хождения в народ”, Воронцов связывал с политической незрелостью крестьянства и демократической интеллигенции, которые вплоть до начала XX в. свято верили в простые решения (по мановению царя или захватившей власть революционной партии) запутанных социальных вопросов пореформенной русской жизни²⁵.

Защите движения 1870-х гг. от “схематизации” и “упрощения” его истории В. Я. Богучарским, автором книги “Активное народничество семидесятых годов” (СПб., 1912), Воронцов посвятил специальную статью, опубликованную в “Вестнике Европы”. По убеждению Воронцова, заимствованные на Западе социалистические идеи были лишь *внешней оболочкой* русского народничества, последней каплей, наполнившей чашу народнического мирозерцания. Подлинный смысл и значение этого уникального явления русской жизни следовало искать в его социологических основах: “в противоречии между задачами государственного преобразования России, как они представлялись уже в начале александровских реформ и все более выяснялись впоследствии и объемом наличных для того сил...”²⁶.

Призыв в 1905 г. будущего лидера народных социалистов А. В. Пешехонова к слиянию с народом, в котором “сейчас все наше спасение”²⁷, Воронцов назвал “поворотным пунктом” в истории демократической интеллигенции. Жаль только, сетовал публицист, что эта идея не проповедовалась “Русским богатством” раньше (при Михайловском), когда шла подготовительная работа, а предлагалась к руководству “в момент горячей борьбы”²⁸. Дожив до торжества важнейшего народнического принципа своей молодости, Воронцов, тем не менее, не примкнул ни к одной из легальных неонароднических организаций. Точнее, его никто туда не приглашал.

Поскольку в начале XX в. русское народничество олицетворяли эсеры и энесы, им и предстояло теперь держать ответ перед всеми его идейными противниками. Благо, после революции 1905 г. по

²³ См.: Снегирев Л. Ф. Первое издание деревенских очерков Г. И. Успенского // Голос минувшего. 1914. № 4. С. 213.

²⁴ В. В. [Воронцов В. П.] Народничество как общественно-политическое направление, — его исторические корни // Политическая энциклопедия. СПб., 1907. Т. 2. Вып. 7. С. 1086. Интересно, что под определением народничества «В. В.» еще в 90-е гг. XIX в. готовы были подписаться и либералы, и демократы, что, по мнению некоторых критиков, свидетельствовало о его размытости и неопределенности.

²⁵ В. В. [Воронцов В. П.] От семидесятых годов к девятидесятым: Сб. ст. СПб., 1907. С. 15—17, 174—178.

²⁶ В. В. [Воронцов В. П.] «Корни» народничества семидесятых годов // Вестник Европы. 1913. № 4. С. 155, 167.

²⁷ См.: Пешехонов А. В. Народ и интеллигенция // Русское богатство. 1905. № 4. С. 102.

²⁸ В. В. [Воронцов В. П.] Политическое и социальное течения в русском обществе // В. В. От семидесятых годов к девятидесятым. С. 182.

отношению к социалистической интеллигенции в общественной мысли наметился резкий поворот. Наиболее ярким его проявлением стал знаменитый сборник “Вехи” (СПб., 1909).

Семь веховцев, имена которых были хорошо известны общественности, обрушились на русскую интеллигенцию с резкой критикой за ее революционизм, космополитизм, атеизм, рациональный утопизм, нигилистический морализм и прочие “измы”. Одним из самых обидных, с точки зрения защитников интеллигенции, было обвинение ее в ложной любви к народу, наиболее резко прозвучавшее из уст Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова и М. О. Гершензона. Интеллигенция верила в народ и поклонялась ему как богу. Народные желания она возвела в степень высших идеалов государственного строительства. На деле созданный ею культ народа привел к тому, что реальные нужды народных масс были принесены в жертву абстрактным идеалам интеллигенции. Поэтому вера в великое будущее русского народа, его особое предназначение — осуществить социальную правду, братство людей — Бердяев и Булгаков называли “народопоклонством”, созданием себе кумира по своему образу и подобию.²⁹

Самый сильный антинароднический аргумент веховцев — отсутствие у радикальной интеллигенции поддержки народа, который ненавидит “свою” интеллигенцию “страстно”, “с бессознательным мистическим ужасом”. Закрыть такую рознь с помощью одного только просвещения было невозможно. “Каковы мы есть, — писал Гершензон, — нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной”³⁰.

На сакральный вопрос русской интеллигенции “что делать?” веховцы отвечали так: отказаться от болезненной “тирании общественности” (т.е. перестать быть общественной интеллигенцией) и стать профессиональной интеллигенцией на западный манер. В Европе забота о личном благополучии является общепринятой нормой. Если интеллигенция хочет служить, то она должна слу-

жить государству, а не химерам общественного блага³¹.

Появление “Вех” спровоцировало в обществе такие идейные баталии, с которыми полемика по вопросу интеллигенции начала 80-х гг. XIX в. не идет ни в какое сравнение³². Позицию народников в спорах 1909—1912 гг. представляли Иванов-Разумник, Ракитников, Ясинский и другие публицисты³³. Всех их сильно задел тезис веховцев о непроходимой пропасти между интеллигенцией и народом, в существовании которой виновата сама народническая интеллигенция. Народники, разумеется, все это отрицали на том основании, что 1905 год данную пропасть закрыл. “Мы, “интеллигентный народ”, — пишет Иванов-Разумник, — познакомились близко с «народной интеллигенцией», и эта встреча убедила “нас”, что устами русской интеллигенции XIX века говорил сам народ³⁴. К тому же народники доказывали невозможность противопоставления социально-экономического понятия “народ” социально-этическому понятию “интеллигенция”. По словам того же Иванова-Разумника, это lapsuse, т.к. и в интеллигенции есть свой plebs, и в народе есть своя интеллигенция³⁵. Ту же мысль развивал Ракитников. Интеллигенция — это та часть населения страны, в которой пробудилась потребность развития. Поэтому ее следует противопоставлять не народу, а “людям рутины, обычая, привычки, традиции, аффектов; людям, которые... всю жизнь свою устраивают по заветам старины, по требованиям обычая, моды и т.п.”. Такие люди есть не только в народе, а во всех сословиях³⁶.

Веховская критика интеллигенции, безусловно, имела свое рациональное зерно. Первая русская революция наглядно продемонстрировала, что если радикальная интеллигенция будет и впредь разжигать в народе “революционные инстинкты”, то страну может постигнуть катастрофа. Тем не менее,

³¹ Там же. С. 107.

³² Подробнее см.: Диденко Д.В. Полемика вокруг сборника “Вехи” как явление общественной жизни России 1909—1912 гг. // Интеллигенция и мир. 2002. № 1—2.

³³ Иванов-Разумник Р.В. Что такое “кающиеся разночинцы”? (К вопросу о “Вехах”) // Иванов-Разумник Р.В. Об интеллигенции. Что такое махаевщина. Кающиеся разночинцы. СПб., 1909; Ракитников Н. Интеллигенция и народ // “Вехи” как знамение времени: Сб. ст. М., 1910; Ясинский И.И. Суд над интеллигенцией (По поводу сб. “Вехи”) // Новое слово. 1909. № 8.

³⁴ Иванов-Разумник Р.В. Жизнь и теории. С. 41, 43.

³⁵ Иванов-Разумник Р.В. “Народ” и “интеллигенция” (Из летних диалогов) // Литература и общественность. С. 109, 110.

³⁶ Ракитников Н. Указ. соч. С. 291.

²⁹ Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909—1910. М., 1991. С. 30, 75. Термин «народопоклонство» или идолопоклонство применительно к народнической вере в народ первым употребил духовный учитель Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова В. С. Соловьев. См: Соловьев Вл. Идолы и идеалы // Вестник Европы. 1891. № 3. С. 362, 370, 375.

³⁰ Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России. С. 101.

предостережение “Вех” так и не было услышано. К сожалению, рассуждения веховцев о русской интеллигенции страдали явной односторонностью и тенденциозностью. Представленный в сборнике собирательный портрет интеллигенции был нарисован одной черной краской. Веховцы говорили только о недостатках интеллигенции, свалив на нее ответственность за все беды, и даже не упомянули о ее заслугах. А ведь наряду с радикальной интеллигенцией в России было немало культурных деятелей, давно и плодотворно занимающихся той работой, к которой призывали “Вехи”. Кроме того, участники сборника поставили перед радикальной интеллигенцией заведомо невыполнимую задачу: перейти от конфронтации к сотрудничеству с властью, т.е. превратиться в свою противоположность. Иными словами, после поражения революции интеллигенции предлагалось сдаться на милость победителю.

За пять десятилетий развития народнической мысли в России ее теоретики сумели выработать “железную” систему доказательств непогрешимости своих позиций. Сбить народническую интеллигенцию на обочину русского освободительного движения не смогли даже марксисты, не говоря уже о веховцах. Трудно спорить с доктриной, которая оперирует набором “абсолютных догм”, позволяющих интерпретировать в свою пользу любые факты. Такую доктрину могла опровергнуть только сама жизнь, а она пока позволяла народникам “набирать очки”.

В 1909 г. известный публицист и историк литературы Е. А. Соловьев в одном из своих трудов обратился к обществу с вопросом: “Отчего умерло народничество?”. И сам же ответил на него: “Оттого, конечно, что ему не стало чем жить”. Далее автор доказывает, что народничество жило верой в народ, общину и интеллигенцию и теперь под напором жизненных фактов эту веру растеряло³⁷. Однако слухи о смерти народничества оказались слишком преувеличенными. По крайней мере, сами неонародники объясняли спад общественного движения после поражения революции “кризисом роста”. В 10-е годы XX в. народнические публицисты опять начнут доказывать, что “социальная программа народничества усвоена большинством крестьян и рабочих”³⁸.

Настоящим триумфом для всех русских народников станет 1917 год, когда Россия на короткое

время окажется самой свободной в мире республикой. Об отношении к происходящим в стране событиям легальных народников мы, к сожалению, можем судить только по трудам Воронцова.

Февральскую революцию, свергнувшую с престола Николая II, Воронцов встретил с одобрением, искренне надеясь, что она откроет путь для свободного социального творчества народа. В 1917 г. при поддержке Центрального комитета Трудовой группы Воронцов выпустит специальную брошюру “Земля для всего народа”, доказывающую необходимость скорейшей отмены частной собственности на землю. Прежняя власть, по убеждению народника, защищала интересы эксплуататоров народного труда и немало сделала для пробуждения в крестьянах частнособственнических инстинктов. С этой целью оно задумало ввести новые земельные порядки, “народить маленьких помещиков из самих крестьян, полагая, что эти маленькие помещики защитят от крестьян помещиков крупных”³⁹. В феврале 1917 г. царская власть рассыпалась в прах и не осталось никого, кто защищал бы помещиков. Но возникла другая опасность. Начались самопроизвольные захваты крестьянами помещичьих земель в ущерб “некрестьянскому” русскому народу. “Все это, — по мнению Воронцова, — показывает, как еще мало сознателен наш крестьянин и как сильно преобладают в нем своекорыстные чувства; как мало в нем привязанности к истине и справедливости, когда истина и справедливость идут против его интересов”. Вот почему он будет настаивать на том, что решение земельного вопроса — это прерогатива всенародно избранного Учредительного собрания⁴⁰.

О том, как встретил Воронцов приход к власти большевиков, никаких прямых свидетельств, судя по всему, не сохранилось. Б. П. Балугев убежден, что враждебно, если принять во внимание негативное отношение Воронцова к марксизму на протяжении всей его сознательной жизни⁴¹. Вывод историка вполне логичен и все же, на наш взгляд, звучит слишком категорично. Еще в 1907 г. Воронцов писал о русском марксизме как о враждебном и в то же время родственном старому народничеству направлению общественной мысли. “Это направление оставалось народническим по его основным мотивам, так как оно преследовало благо трудящихся, — и тактическим приемам, — так как оно

³⁷ Андреевич [Соловьев Е.А.] Опыт философии русской литературы. СПб., 1909. С. 269—271.

³⁸ Кочаровский К. Народничество как социологическое направление // Заветы. 1913. № 1. С. 68.

³⁹ Речь идет о столыпинской аграрной реформе, которой В. П. Воронцов давал сугубо отрицательные характеристики.

⁴⁰ В.В. [Воронцов В.П.] Земля для всего народа. Пгр., 1917. С. 25—26, 45—47.

⁴¹ Балугев Б.П. Указ. соч. С. 60.

искало опоры в народных массах". "С вступлением же (после японской войны) на политическую сцену народных масс, — продолжает свою мысль Воронцов, — ...практические разногласия между названными направлениями будут сглаживаться и, в конце концов, они составят, нужно полагать, два рукава одного великого, народного течения в русской общественно-политической жизни"⁴². Нет никаких оснований сомневаться, что в 1917 г. он думал иначе, по крайней мере, накануне Октябрьского переворота. Гораздо большее беспокойство внушали тогда Воронцову не большевики, а, как уже отмечалось выше, разбуженные Февральской революцией "своекорыстные чувства" крестьянских масс.

В данном случае будет уместно привести строки об этом времени философа Н. А. Бердяева. К выводу о том, что интеллигенция неправильно поняла свой долг перед народом, что она нуждается в покаянии и духовном, религиозном перерождении, Бердяев пришел еще во время первой русской революции. Но все его страшные пророчества о последствиях проникновения идей радикальной интеллигенции в сознание народных масс должного влияния на нее не оказали. Гибель русских иллюзий в отношении народа стала результатом естественного развития событий предоктябрьского десятилетия.

"Самые противоположные русские идеологии утверждали, что русский народ выше европейской цивилизации, — писал Бердяев незадолго до большевистского переворота, — что закон цивилизации для него не указ, что европейская цивилизация слишком "буржуазна" для русских, что русские призваны осуществить царство Божие на земле, царство высшей правды и справедливости... Грянула революция, пала старая власть, и сломлены были все препятствия для изъявления народной воли. "Народ" получил возможность говорить... Но что раскрыл из себя и обнаружил тот "народ", в который верила русская интеллигенция? "Народ" этот обнаружил первобытную дикость, тьму, хулиганство, жадность, инстинкты погромщиков, психологию взбунтовавшихся рабов, показал звериную морду. Собственные слова "народа" нечленораздельны, истинные слова еще не родились в народе. За весь этот ужас, за всю эту тьму народную от-

ветственность лежит прежде всего на классах командующих и интеллигентных. Одни не хотели просвещать народ, держали его в принудительной тьме и рабстве; другие идолопоклонствовали перед народом и несли ему новую тьму вместо света, тьму полупросвещения и интеллигентского нигилизма"⁴³.

Трагедия России, пережитая ею в XX веке и ставшая одновременно трагедией народнической интеллигенции, заставляет задуматься: почему сбылись самые худшие опасения противников скороспелой политической реформы? Почему не реализовалась та альтернатива, которую предлагали народнической интеллигенции идейные противники Михайловского? Лучше всех на этот вопрос ответил Д.Н. Овсянко-Куликовский. "Величайшее зло России — это отсутствие культурности в европейском смысле...". В противоположность другим народам "у нас... нет заметного участия отдельных классов или, по крайней мере, известных групп в культурной работе". Пионеры культуры в России были и есть. "Недостает только традиции культуртрегерства и его поддержки затяжной работой масс..."⁴⁴.

В 1918 г. Воронцов, переживший почти всех своих товарищей, с горечью напишет, что вот, наконец, сбылась мечта всей прогрессивной русской интеллигенции — власть самодержца рухнула, как "сгнившая постройка от нескольких ударов топора". Но сможет ли трудовой народ стать "созидателем свободной России", готов ли он к такой роли или столь быстрые перемены в государственном устройстве опередили развитие его политического самосознания? Пока особого желания взять на себя ответственность за судьбу страны Воронцов в нем не обнаружил. Простой народ по-прежнему ждал, что "дело наладит кто-то другой"⁴⁵. Весьма примечательны заключительные слова цитируемой выше брошюры Воронцова. Для создания свободного строя требуется дружная и согласованная работа всех классов России. Революция принесла не мир и согласие, а разгорающуюся все больше и больше вражду, из-за чего "страна стоит на краю могилы"⁴⁶.

⁴³ Бердяев Н.А. Идеи и жизнь // Русская мысль. 1918. № 1—2. С. 101, 103—104.

⁴⁴ Овсянко-Куликовский Д.Н. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1924. Т. 9. С. 134, 173.

⁴⁵ Воронцов В. Русская революция и трудовой народ. Пгр., 1918. С. 5, 9, 10.

⁴⁶ Там же. С. 23.

⁴² В.В. Народничество как общественно-политическое направление... С. 1092.